

служатъ и работаютъ. Деревенскій укладъ строго наложеній и въ немъ постороннимъ нѣтъ мѣста. Баринъ, сильный знатностью и связями, не даваль въ обиду чиновникамъ, полиціи своихъ мужиковъ. Онъ самъ посыпалъ ихъ „на конюшню“, подвергая наказанію на тѣлѣ, но это въ счетъ не шло. Мужики не безъ гордости говорили „мы графскіе“ и почесывая наказанныя части тѣла, знали, что за спиной у сильнаго барина, они какъ у Христа за пазухой. Баринъ накажетъ, баринъ и помилуетъ. Всѣ были сыты и болѣе или менѣе довольны. Всякій цѣльный укладъ жизни — стиленъ и въ этомъ его своеобразная красота. Въ старинной барской деревнѣ не чувствовалось государство съ его принудительными формами. Правительство, начальство было что то постороннее, непріятное и ненужное. Чиновничій механизмъ казался чѣмъ то искусственнымъ, условнымъ. Бары чуждались чиновника и презирали его. Служебные интересы карьеры казались чѣмъ то жалкимъ и прозрачнымъ. Въ семье Толстого никогда не бывали чиновники и съ ними не имѣли никакихъ сношеній. Истинная жизнь — только деревенская съ ея радостями и горемъ, трудомъ и весельемъ, и ея тяжелымъ трудомъ, но и хороводами и праздничными днями съ неизбѣжными качелями и угощеніемъ орѣхами и сладкими пряниками. Совершенно правъ профессоръ Овсянниковъ Куликовскій въ своей талантливой и тонкой книжѣ о Толстомъ, что тутъ, въ этой барско-мужицкой средѣ, сложился опредѣленный кодексъ мужицкой и барской морали, разцевѣла своя эстетика, свои духовные запросы. Весь соціальный строй выросъ изъ прочно-сложившихся отношеній барь и рабовъ, имѣль свою логику и психологію, свое пониманіе „правъ человѣка“ по отношенію къ барину и „правъ конюшни“ по отношенію къ рабу. И съ этой именно точки зрѣнія написаны Л. Н. Толстымъ объ его эпопеи. И что еще важнѣе: эта точка зрѣнія, — помимо воли и сознанія Толстого, легла въ его оцѣнку жизни, какъ фундаментъ будущей религіозно-философской и соціальной системы Толстого. Отказавшись отъ привилегій барина, Толстой не могъ побѣдить въ себѣ безсознательныхъ психологическихъ навыковъ аристократической среды, и вотъ почему въ его будущемъ міровоззрѣніи мы не найдемъ ничего выходящаго за предѣлы деревенского, землемѣльческаго горизонта: ни рабочихъ, ни фабрикъ, ни чиновника, ни интеллигента — разночинца, ни торгово-промышленного класса, ни государства со всѣми его органами власти, не могъ и не хотѣлъ признавать независимый и гордый потомокъ феодала, привыкшаго къ полной независимости и свободѣ въ предѣлахъ своей наследственной вотчины. Толстой могъ освободиться яtotъ идеей господства, онъ съ негодованіемъ отвергъ впослѣдствіи все наслѣдіе барства, онъ охотносталъ за уравненіе и барь, и господъ передъ лицомъ одной морали и одинаково всѣмъ обязательного землемѣльческаго труда, но признать новыя соціальные отношенія, новыя клас-